4 ДЕК 1985

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. Москва

Беседа с народной артисткой РСФСР Аллой Демидовой —

Ценю естественность

— Испытывала ли я потрясение от искусства? — в разговоре Алла Сергеевна любит повторять обращенный к ней вопрос.

— От своего — нет, скорее неудовлетворенность... Впрочем, потрясение — это чувство, свойственное, наверное, очень молодым, ведь оно предполагает непосредственность реакции. А мне мешает профессиональный глаз. Когда я смотрю спектакль или фильм, стараюсь понять, как все сделано, отделяю роли от их исполнителей. Быть может, от этого исчезает тайна...

— Но ведь существует в искусстве то, что нравится всем, например Чарли Чаплин...

— Чаплина мы воспринимаем сквозь призму времени. Наверное, если бы он жил сегодня, то творил бы по-другому. И реакция зрителей была бы иной... Но иногда мне кажется, что я плохо знаю нынешнюю публику, по крайней мере мне трудно сказать что-то определенное о людях, которые сегодня приходят в театр. Их реакции бывают очень разными. А критерии в современном искусстве — у зрителей и критики — мне представляются слишком заниженными.

— Не потому ли в последнее время так редки по-настоящему яркие актерские дебюты?

— Чтобы ответить на этот вопрос, нужно дать ответ на

многие проблемы времени. Вы не задумывались, почему актерам так часто задают вопросы, которые не имеют прямого отношения к их профессии? Вопросы о человеческих взаимоотношениях — этические, психологические, философские.

Довольно долгое время мне хотелось написать статью, где за моими мыслями ощущался бы внутренний монолог, который невозможно высказать словами. Но, наверное, передать эти ощущения, настроения в словах — не под силу, и я отказалась от идеи, чтобы не путать читателя... На Западе актеров спрашивают о другом. Например, есть ли у них собака или кошка, где они любят отдыхать... Иногда рассказы об этом приоткрывают любопытные черты характера и многое говорят о человеке... И все-таки, мне кажется, именно русский актер тем и отличается от западного, что от него ждут ответов на другие — общие для всех, самые жизненные вопросы. Потому и отношение к нему особое, ответственное. О чем в последнее время справедливо говорят и на страницах печати наши старейшие мастера. За это у них болит душа. Издавна на Руси лучшие представители из актерской среды были по-

стине властителями дум целых поколений. Нам бы эту традицию беречь, сохранять и душевно уважать...

Со времени моего дебюта в театре прошло двадцать лет. Начинала по принципу «я в предлагаемых обстоятельствах», потом пыталась играть другие образы, характеры... И только теперь понимаю, что играть нельзя — надо быть. Игрый никого не обманешь.

Шестидесятые годы были временем театра острой формы. Он привлекал людей зрелищностью, новизной выразительных средств. А в начале семидесятых людей больше, чем прежде, стали волновать слово, созвучность современных пьес с повседневностью. То, что люди слышали у себя дома, на улице, они могли услышать со сцены... Это было время полемических статей. Их темами стали «физики и лирики», «коты и дети», «семья и школа», вопросы нравственности... Авторы этих статей стремились поставить диагнозы — психологические, социальные. И эти темы волновали зрителей. Однако вскоре полемической постановки вопросов оказалось недостаточно. Самое важное и интересное в современном искусстве, как и в жизни, на мой взгляд, — обращение человека

внутри себя, в собственную душу. И оказывается, что во многом она еще спит... Самые разнообразные хобби, увлечения — психологией, парапсихологией, йогой, аутотренингом — все это тоже связано с поисками себя. Людям интересно, когда об этих поисках говорят со сцены и экрана, когда создатели спектаклей, фильмов пытаются найти ответы на те вопросы, которые Достоевский назвал «детскими вопросами». Что есть Жизнь, Смерть, Любовь?... В чем смысл человеческого бытия?... Разумеется, искусство не дает никаких рецептов. Ответить на эти вопросы можно только жизнью...

Но вот что меня тревожит: иногда современная публика кажется мне слишком глухой. А иногда я думаю, какие они беззащитные — люди, сидящие в зале! Они думают в темноте, что смотрят на нас, а ведь это мы на них смотрим! По собственному ощущению времени могу сказать, что главное в актерской профессии — сохранить человеческое достоинство. Мы слишком много болтаем, вывешиваем профессию, слишком приоткрываем тайну искусства. Может быть, в глазах зрителя именно это и обесценивает в какой-то степени откровение на сцене?

— Но ведь даже тогда, когда актер предельно приближается к нам телеэкраном, возможны острейшие зрительские переживания. Думаю, для многих, Алла Сергеевна, отравлением было ваше чтение пушкинской «Осени» по телевидению...

— Этот цикл мне предложили прочитать и на радио. Но когда прослушали запись, сказали: «Вы же не Пушкин! Почему вы так читаете?» Признаюсь, я даже рада, что эта передача не попала в эфир. Для радио нужны другие средства выразительности. А на телевидении — иные, чем в театре. И хотя это азбука, о ней порой забывают... Мне известен случай, когда еще в начале века на кинолентку сняли одного мага, гипнотизирующего толпу. Когда пленку проявили, на ней остался маг, осталась толпа, но не было гипноза... То же самое, к сожалению, нередко происходит и с современными телеспектаклями, хотя поставлены они режиссерами специально для телевидения. Конечно, поиск новых форм порой рождает удивительные удачи — например, «Маленькие трагедии» Швейцера, «Игроки» Виктюка... И происходят они, думаю, когда для актера работа на телевидении не предполагает меньшую затрату душевной энергии, чем в театре.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших новых работах.

— Мне предложили прочитать на телевидении цикл стихов Александра Блока. И это меня увлекает... Иногда я представляю себя в другом жанре, например, исповедального монолога. Был даже сценарий, по которому собиравались поставить фильм. Но, как это часто бывает в кино, довести замысел до экрана не удалось. Знаете, я подумала: если сыграю саму себя, зрители могут потерять интерес к моим ролям...

— А как вы относитесь к импровизации?

— Не очень хорошо понимаю, что это такое. Но знаю: каждый раз на сцене все происходит по-другому. С начала этого сезона в репертуаре нашего театра восстановлен после долгого перерыва «Вишневый сад». И вот прошло два спектакля. Во второй раз мы играли хорошо, в первый — хуже. В чем причина? Сказать трудно... Заранее, сознательно я не стремлюсь к импровизации, но неожиданное в спектакле обязательно возникает. Скажем, непредвиденную реакцию партнера может вызвать какое-то жизненное обстоятельство. В Щукинском училище, где я пыталась преподавать, мне показало, что

уже ко второму курсу становится очевидным, какими будут молодые актеры, когда выйдут на сцену. По-моему, многим из них не хватает непредсказуемости...

Для меня совершенство в актерском творчестве — это гармония мыслей, души и чувств. Больше всего я ценю в человеке — и актере — естественность. По-моему, это самое трудное в жизни и требует глубокого образования, вкуса, внутреннего такта, воспитания, таланта. Для меня не существует естественности при проявлении всяких черт характера — это просто плохое воспитание. Естественность — особое ощущение Красоты, Правды. Абсолютно естественный человек — Иннокентий Михайлович Смоктуновский. Он обладает идеальным актерским инструментом... А гармония... Она дана людям изначально самой жизнью. Дана мудро — гармония дружбы, любви. Только мы этого порой не замечаем...

— Чем бы вы занимались в жизни, если бы не были актрисой?

— Наверное, продолжала бы преподавать политэкономии. А в мечтах? Ну, например, учила бы юных девушек сохранять индивидуальность...

Беседу вела
И. МАКСИМОВА.